

Пророчество в подушке

Чанхэ с грохотом опустился на одно колено.

— Мы не смогли остановить его и позволили этому негодю потревожить градоначальника. Прошу, накажите нас! У него есть сообщник, который воровал лекарства в саду. Они действовали сообща. Мы их обоих поймали. Прикажете отрубить им руки и ноги и сделать из них лекарственную грязь?

Чу Луаньхуэй тоже пойман?

Е Шуанчоу, видя грязную кровь на шее, пропитавшую любимую ночную одежду принца, почувствовала, как у неё темнеет в глазах, и злость ударила в голову.

— Одежда принца... С тебя шкуру содрать — и то будет мало.

В присутствии посторонних нельзя было давать волю гневу. Дань Фэн лишь уставился на Се Хунъи леденящим душу взглядом и поправил одеяло.

— Слова сказаны, палачи наготове. Почему принц не отдаёт приказ?

Е Шуанчоу, видя, что Се Хунъи выглядит утомлённым и не собирается ничего говорить, исполнилась скорби.

— Это потому, что ты его принуждаешь!

— Даже не знаете, кто настоящий незванный гость. Эту работу стражника следует отдать тому, кто способен, не понимаешь? — сказал Дань Фэн.

Он провёл рукой по Подушке безмятежных снов и извлёк из неё грубый чёрный волос. Взгляд Се Хунъи скользнул по нему, и он действительно сказал:

— Уходи. Все вон.

Е Шуанчоу застыла в изумлении, не понимая, откуда у принца такая необъяснимая терпимость к нему. Но она не осмелилась послушаться и, развернувшись, выбежала из комнаты, её шелковые ленты развевались, как разъярённые волны.

Клинок Фэнъе тактично соскользнул на пол.

Проводив её взглядом, Дань Фэн усмехнулся:

— Градоначальник не хочет, чтобы она знала, что в Подушку безмятежных снов, которую она соткала, кто-то вмешался?

Особняк градоначальника, конечно, был хорошо защищён, но не мог остановить то, что проникает в сны и действует тайно.

Дань Фэн сжал подушку и вытащил из-под атласной поверхности талисман. Его руки были невероятно ловкими. Как фокусник, он извлёк талисман, не повредив ни единого стежка.

На этом талисмане иероглифы были гораздо чётче. Хоть и нацарапанные, они были окутаны таинственным и зловещим светом.

Дань Фэн, нахмурившись, некоторое время разбирал каракули. Кажется, это были четыре иероглифа.

«Чрезмерная... радость... рождает... скорбь».

Что за чертовщина?

У Дань Фэна был брат по оружию, Цзинь Добао, который разбирался в талисманах и формациях. В нынешние времена, когда духовной энергии было мало, для создания талисмана или формации требовалось огромное количество эссенции пяти элементов и заклинание, чтобы привлечь силу.

Может ли такой простой клочок жёлтой бумаги с несколькими мазками киновари обладать такой силой?

Тем не менее, разгадать эту уловку было нетрудно.

— Этот талисман был в Подушке безмятежных снов. Неудивительно, что принца мучили кошмары, — сказал Дань Фэн.

— Ты не из Чанлю, не называй меня принцем, — ответил Се Хунъи.

— Так чётко разделяешь? Те, кто называет тебя принцем, должно быть, всецело тебе преданы. Ты не подозреваешь госпожу Е?

— Это не она.

— Тогда ещё хуже, — уставился на него Дань Фэн. — Враг в тени, а ты на виду. Твои тупые чёрные болваны не способны на тонкую работу и не могут принимать решительные меры. Уже кто-то к подушке подобрался. А если в следующий раз это случится во время твоего приступа? Тоже будешь ему за шею цепляться и кровь пить?

— А ты, оказывается, самокритичен.

На его лице было выражение отвращения, но он обеими руками обхватил Алые оковы-арбалет и, слегка поворачивая запястья, согревался теплом крови Дань Фэна.

Лёгкая, едва заметная волна, словно чувствительные усики муравья, проникла в рану.

Кадык Дань Фэна дёрнулся.

Внутри кипел гнев, смешанный с лёгким зудом, что лишь усиливало раздражение.

Казалось... этот человек должен был принадлежать ему. Его можно было бы прижать к себе, слиться в кровавых объятиях, но между ними стояли бесчисленные невидимые преграды.

— Что это? — спросил Дань Фэн. — Ты ведь привык ко мне. Почему ты не можешь говорить открыто?

— Некоторые дурные привычки трудно искоренить, — холодно ответил Се Хунъи.

— Дурные привычки, — тихо повторил Дань Фэн. — Я знаю, за что ты меня ненавидишь.

— О?

— Я многого не помню, жил как в тумане. Но теперь я нашёл зацепку — Се Ни!

Произнеся это имя вслух, глядя в глаза Се Хунъи, Дань Фэн почувствовал, как его сердце дрогнуло.

Словно он дыхнул на старое, потускневшее зеркало и принялся яростно его протирать. Изображение не становилось яснее, наоборот, туман сгущался, но он чувствовал, как оно молчаливо отражает его.

От маленького принца из Чанлю, игравшего на флейте под радугой, до мрачного, зловещего правителя Города Блуждающих Теней.

Время прошло, но дрогнет ли хоть что-то в душе этого человека?

Щека Се Хунъи дёрнулась. Он отвернулся, и его лицо стало ещё мрачнее.

Дань Фэну хотелось звать его по имени, чтобы утолить свою жажду, но он боялся разозлить его. В конце концов, он не сдержался и снова тихо произнёс:

— Се Ни.

— Се Ни.

— Се Ни.

Его голос становился всё тише, превращаясь в шёпот у подушки. На лице Се Хунъи всё ещё было растерянное выражение, но в какой-то момент он резко поднял глаза, сжал пальцы и, схватив занавес, с силой дёрнул его, затягивая на шею Дань Фэна!

— Ты ничего не помнишь, нарушил клятву и ещё смеешь называть моё имя!

Клятва?

Дань Фэн одной рукой ухватился за занавес, и в его голове что-то щёлкнуло.

— У меня просто плохая память, при чём здесь клятва?

— В Чанлю только тот, кто нарушил клятву, забывает всё, что с ней связано.

— Что за ядовитая клятва? — не поверил Дань Фэн. — Если бы я нарушил клятву, пусть бы меня молнией ударило. А так — нарушил, забыл, и даже вины не чувствуешь. Какая удача!

Сказав это, он тут же понял.

Все эти годы мучительных поисков, это терзающее душу чувство сейчас — разве это не плоды той клятвы?

Если бы он мог вспомнить хоть что-то из прошлого, Кровавой бойни у озера Белой Пагоды не случилось бы.

Се Хунъи коротко, холодно усмехнулся.

— Лучше вынести муку, пронзающую костный мозг, чем нарушить клятву Чанлю. Я видел много нарушителей клятвы. Чем больше они пытаются вспомнить, тем хуже им приходится.

Будь бессердечным дураком — и не будешь страдать.

— Ты не хочешь, чтобы я страдал? — спросил Дань Фэн.

— В древности был центральный император по имени Хуньдунь, — загадочно произнёс Се Хунъи. — Он был добр к людям, но у него не было семи отверстий. Он был в хаосе, не мог ни видеть, ни слышать. Два его гостя, в благодарность, решили прорубить ему семь отверстий. Но, как оказалось, их добрые намерения привели к беде.

— И что, плохо? — приподнял бровь Дань Фэн.

— Семь отверстий прорубили, и он умер, — холодно усмехнулся Се Хунъи.

— Лучше умереть, чем вечно быть в хаосе, — вздохнул Дань Фэн.

— Ты не в хаосе, ты — ублюдок! — сказал Се Хунъи.

— А я-то думал, ты изменился, начал рассказывать истории. Оказывается, чтобы меня оскорбить.

Он поправил подушку и тщательно разгладил одеяло.

— Ты же знаешь, я не слушаю советов. Се Ни, я посторожу. Ты поспишь?

Се Хунъи взмахнул рукавом и швырнул его за открытую дверь.

С оглушительным грохотом клинок Фэнъе тоже был безжалостно выброшен наружу. Человек и клинок, два брата по несчастью, молчали.

Дворец был мрачен. Белые занавеси одна за другой опускались, скрывая Се Хунъи в своих глубинах. Он был как холодный полумесяц, и не было и намёка на ту близость, что была между ними, когда их кровь смешивалась.

— Чанхэ, я не связываю тебе руки. Закрой дверь, выгони гостя, — раздался тихий голос Се Хунъи.

Действительно, безжалостно.

Стоило проявить к Се Хунъи хоть каплю мягкости, как он тут же хватал тебя за горло, высасывал досуха, а потом отшвыривал в сторону. От этого и зубы, и сердце ныли от злости.

— Говорил я тебе, держи дверь крепко, а? Додержался до пинка под зад, — обратился Дань Фэн к своему верному клинку.

Клинок Фэнъе громко загудел и с грохотом упал на землю, оказавшись лицом к лицу со связанным Чу Луаньхуэем.

Этот красавчик был крепко связан, и в рот ему засунули кляп. Неудивительно, что его острый язык молчал.

Тем временем вторая пара глаз на веках Чанхэ едва не вылезла из орбит. Воины в чёрных доспехах, все как один, пылали гневом, обнажив мечи.

— Говоря по правде, вы действительно не справляетесь, — сказал Дань Фэн.

Воины в чёрных доспехах уже готовы были закричать, но он поднял палец.

— Ш-ш-ш, не будите своего градоначальника. Он так давно не отдыхал.

Эти слова подействовали лучше любого приказа. Даже занесённые для удара мечи тут же опустились.

— Оскорбил вашу честь, очень жаль. Но я так думаю. Способный должен занимать место. Давайте так: когда он проснётся, устроим бой. Все вместе. Если проиграете, уступите мне место. Справедливо? — сказал Дань Фэн.

Он действительно сел у двери, вытянул ноги и, обняв клинок Фэнъе, стал сторожить. Одной рукой он гладил землю.

Четыре глаза Чанхэ одновременно моргнули. Он сдержал гнев и, казалось, за чем-то наблюдал. Один из воинов, не выдержав его дерзости, хотел было крикнуть, но его остановили.

— Он не врёт, принц спит.

Нужно было знать, что Се Хунъи был очень подозрителен и легко просыпался от кошмаров. В присутствии посторонних он никогда не мог заснуть.

Но сейчас дыхание в спальне постепенно выровнялось и стало спокойным.

Чанхэ с удивлением посмотрел на землю, и в его взгляде промелькнуло облегчение.

По сравнению с редким спокойным сном градоначальника, дерзость Дань Фэна была пустяком.

— Зал для тренировок. Ждём, — сказал Чанхэ.

— Хорошо.

— Без приказа принца, если вы ещё раз ступите в спальню, не вините нас за грубость!

— Не беспокойтесь, он быстрее вас.

Чанхэ отдал приказ, и воины неохотно разошлись, продолжая патрулирование. Некоторые, скалясь, показывали Дань Фэну жесты, означающие перерезание горла. Тот лишь ухмылялся в ответ с откровенной провокацией.

Неподалёку, в тёмной тени, плавала бумажная красная лилия.

Это была тень.

Когда хозяин заснул, она тоже перестала двигаться и замерла у двери, держа лилию на лбу, как маленький светильник, и тихонько дуя на лепестки.

Такая холодная и жестокая тень из воспоминаний, после того как её хозяин заснул, стала похожа на ту, что он впервые увидел у озера Белой Пагоды. Дань Фэн смотрел на неё. Хоть он и знал, что она настороже и не пощадит его, он всё равно почувствовал лёгкое головокружение.

Ночь смертельной битвы, буря эмоций. Но это был беспрецедентный прорыв.

Десять лет погони в снегах наконец подошли к концу. Он знал, что впереди бездна, но он должен был прыгнуть

<http://bllate.org/book/16978/1590592>